

В. Г. ЛУКЬЯНОВ,

*профессор кафедры культурологии СПбГУП,
доктор философских наук*

САМОБИТНОСТЬ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ И МОДЕРНИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВА: НАСЛЕДИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ РЕЛИГИОЗНОЙ ФИЛОСОФИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Обращаясь к проблеме самобытности, Н. А. Бердяев подчеркивал, что русскую самобытность «не следует смешивать с русской отсталостью». С его точки зрения, «темный Восток, удерживающий ее на элементарных стадиях, Россия должна в себе победить». Отсталость России должна быть преодолена творческой активностью, культурным развитием. Наиболее самобытной «будет грядущая, новая Россия, а не старая, отсталая Россия. Подлинное национальное сознание может быть лишь творческим, оно обращено вперед, а не назад». Несколько иную позицию занимал И. А. Ильин, который полагал, что «отсталая в плане цивилизации, Россия всегда оставалась самобытной в своей культуре и творчески развитой страной». Не существует некоей единой «общеобязательной западной культуры», перед которой все остальное «темнота» или «варварство»; Запад «нам не указ и не тюрьма»; его культура отнюдь не идеал совершенства. Как подчеркивал Г. П. Федотов, «более глубокое погружение в источники западной культуры открыло для всех — еще не видевших — великолепную красоту русской культуры».

Исходя из этого, русские религиозные философы видели задачу русского народа в развитии самобытной духовной культуры. Как отмечал Ильин, перед нами стоит задача «творить русскую самобытную духовную культуру из русского сердца, русским созерцанием, в русской свободе, раскрывая русскую предметность. И в этом смысл русской идеи». Аналогично этому Бердяев подчеркивал, что особый тип русской души «уже выработан и навеки утвержден». Поэтому «русская культура и русская общественность могут твориться лишь из глубины русской души, из ее самобытной творческой энергии. Но русская самобытность должна, наконец, проявиться не отрицательно, а положительно, в мощи, в творчестве, в свободе».

Проблема самобытности культуры в XX веке оказалась актуальной не только для России, но и для всех стран, вступающих на путь модернизации. В материалах ЮНЕСКО самобытность трактуется как «жизненное ядро культуры» и ставится вопрос о необ-

ходимости сохранения культурного многообразия на нашей планете. Таким образом, в размышлениях о самобытности русской культуры религиозные философы затронули одну из центральных культурологических проблем современности. Следует подчеркнуть, что в настоящее время принцип сохранения национальной и цивилизационной самобытности общества в ходе модернизации окончательно закрепился в научной теории (Б. С. Ерасов). Как же рассматривали феномен самобытности отечественные мыслители?

«Русскость русского духа» И. А. Ильин связывал с явлениями внутренней духовной жизни человека, используя для их характеристики такие термины, как «душевно-духовный акт», «заряд духовного темперамента», «сердечное созерцание», «живое созерцание», «русский дух», «поющая русская душа», «душевный уклад человека» и др. Опираясь на современную терминологию, можно интерпретировать это представление как попытку дать всестороннюю характеристику этнической (национальной) картины мира. Действительно, каждый этнос формирует собственную картину мира, поэтому русский человек и отличается своеобразием мировосприятия, мироощущения и мировоззрения. Если исходить из того, что картина мира является интегральной типологической характеристикой культуры и что каждый этнос отличается от другого своеобразием ее элементов и структуры, то становится понятно, что «русскость русского духа» связана с неповторимостью, уникальностью картины мира русского человека, стержнем которой выступают духовные ценности. Видимо, это и отображает термин «самобытность».

Уточняя свою позицию, И. А. Ильин отмечал, что национальную задачу следует верно понимать, «не искажая ее и не преувеличивая». Мы должны заботиться не об оригинальности, а о «предметности нашей души и нашей культуры»; оригинальность же приложится сама, расцветая непреднамеренно и непосредственно. Быть русским означает не только говорить по-русски. Это означает «воспринимать Россию сердцем, видеть любовь

ее драгоценную самобытность и ее во всей вселенской истории неповторимое своеобразие, понимать, что это своеобразие есть дар Божий, данный самим русским людям, и в то же время — указание Божие, имеющее оградить Россию от посягательства других народов, и требовать для этого дара — свободы и самостоятельности на земле. Мы, русские люди, призваны не только знать историю своего отечества, но и видеть в ней борьбу нашего народа за его самобытный духовный лик».

Задача, поставленная нашим выдающимся соотечественником, сегодня как никогда актуальна. Известно, что эрозия или даже утрата картины мира, присущей социальной общности, может обернуться подрывом основ ее этнокультурной идентичности. Фактически Ильин справедливо утверждает необходимость сохранения этнокультурной идентичности русского человека, которая опирается на три разных, но взаимосвязанных измерения в историческом бытии этноса (О. Генисаретский):

— участие в культурном разнообразии благодаря собственным специфическим чертам;

— участие в межкультурном взаимодействии, что выражается в способности данной культуры влиять на другие и, в свою очередь, испытывать их влияние;

— самоидентичность этноса (нации), которая достигается через преемственность его культуры.

Этнокультурная идентичность предполагает взаимосвязь и взаимодополнительность всех трех представленных измерений этноса. В ситуации, когда вместо трех фактически остается одно измерение (да и то — «усеченное»: сегодня именно наша культура испытывает мощное влияние со стороны других культур), остро встает вопрос о самоидентичности и преемственности национальной культуры. В связи с этим весьма актуально утверждение Ильина о том, что «любить свою родину совсем не значит отвергать *всякое* иноземное влияние; но это не значит и *наводнять* свою культуру *полою водою иноземщины*. Есть творческая мера в духовном общении и взаимодействии народов; и мера эта лучше всего обретается живым, расцветающим творчеством самого народа». Поэтому, например, вестернизация кинопроцесса в современной России остро ставит вопрос о необходимости выработки определенного этикета по отношению к собственной культуре. Фактически к этому и призывал философ — не заимствовать ду-

ховную культуру других народов и не подражать им, а «творить свое и по-своему: русское по-русски». Опыт стран, прошедших путь от общества традиционного типа к современному (например Японии), показывает плодотворность бережного отношения к духовным ценностям собственной культуры, и это — оптимальный путь модернизации, перехода к обществу современного типа. Ибо, как отмечал Ильин, основной животворный и неисчерпаемый источник народного жизнотворчества — наша история и культура, не потому, что мы лучше или хуже других народов, а потому, что мы другие.

Сегодня, к сожалению, речь не идет о полноценном участии нашей культуры в межкультурном взаимодействии: отечественный зритель оказывается во власти штампов массовой культуры (зарубежной и отечественной), истинные же ценности американской, французской, немецкой и других культур часто оказываются вне его восприятия. Только отечественная кинематография, ориентированная на российский менталитет, способна вызвать у зрителя чувство идентичности со своей культурой, с судьбой своего народа. На наш взгляд, национальный кинематограф (как и в целом искусство) должен взять на себя этнозащитную функцию — воспроизводство и поддержание культурного своеобразия этносов, проживающих на территории современной России. В связи с этим актуальны слова И. А. Ильина: «Россия не есть пустое вместилище, в которое можно механически, по произволу, вложить все что угодно, не считаясь с законами ее духовного организма. Россия есть живая духовная система со своими историческими дарами и заданиями. Мало того, за нею стоит некий божественный исторический замысел, от которого мы не смеем отказаться и от которого нам и не удалось бы отречься, если бы мы даже того и захотели... И все это выговаривается русской идеей».

Как отмечал Н. А. Бердяев, то, что обычно называют «европеизацией» России, «неизбежно и благостно». Однако менее всего этот процесс означает то, что мы станем похожи на немцев, англичан или французов. Отрицание России и идолопоклонство перед Европой — явление очень русское и одновременно восточное, азиатское. Именно «крайнее русское западничество и есть явление азиатской души». Западный человек не идолопоклонствует перед своими культурными ценностями — он их творит; и нам следует творить культурные ценности. Творческая самобытность свойственна европейцам; в этом

и «русский человек должен быть подобен человеку европейскому». По мысли Бердяева, призыв забыть о России и служить человечеству — пустой. Реальность «всечеловечества» зависит от реальности России и других национальностей». Россия — великая реальность, и она входит в другую реальность, имеющую человечеством, и «обогащает ее, на-

полняет ее своими ценностями и богатствами». Нельзя не согласиться с утверждением философа: «Россия — творческая задача, поставленная перед человечеством, ценность, обогащающая мировую жизнь. Человечество и мир ждут луча света от России, ее слова, неповторимого дела. Всечеловечество имеет великую нужду в России».